

Anton SHOROKHOV*
Moskiewski Państwowy Uniwersytet im. M. Łomonosowa

ПАТРИОТИЗМ В МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ АЛАСДЕРА МАКИНТАИРА

В основу данной работы положена статья Аласдера Макиннтаира «Is patriotism a virtue?»¹. Здесь речь пойдет об американском понимании патриотизма в русле этики добродетели, которое значительно шире, нежели в России.

1. ВВЕДЕНИЕ

Для русского человека патриотизм – это, прежде всего, жертвенность. Подобное понимание этого явления можно обнаружить в философии Данилевского, Чаадаева и, конечно, Толстова. А вот для американца самопожертвование, пожалуй, не самое главное. Нет, мы не отрицаем того, что патриотичный человек готов отдать свою жизнь за свой народ, свою нацию, страну. Но американский патриотизм, это все же, совсем особенное, многогранное явление. Он не лишен национализма, причем, в своеобразной форме, которая, наверное, может быть характерна лишь для страны, в которой проживает столь огромное количество эмигрантов. Основа американского национализма – это вера в превосходство американской демократии, а не расы. При этом сами американцы националистами себя не считают. Марта Нассбаум в статье «Патриотизм и космополитизм»² пишет, что граждане Америки часто придают своей американскости особое значение при обсуждении моральных и политических вопросов, гордятся особой американской идентичностью и особой американской гражданственностью. При этом Нассбаум полагает, что акцент на патриотической гордости морально опасен и может помешать достижению некоторых целей, которым призван служить патриотизм, например, цели национального единства.

Но все же, патриот – это, прежде всего, человек, который поддерживает свою страну, принимает ее культуру, обычаи и форму правления. Именно в таком ключе рассматривает явление патриотизма Аласдер Макиннтаир в статье «Является ли

* Anton Shorokhov – doktorant w Katedrze Etyki Wydziału Filozoficznego Moskiewskiego Państwowego Uniwersytetu im. M. Łomonosowa.

¹ A. MacIntyre, *Is patriotism a virtue?* // Alasdair MacIntyre. Contributors: Mark C. Murphy – editor. Cambridge University Press, Cambridge, England, 2003, p. 287-300.

² М. Нуссбаум, *Патриотизм и космополитизм*. Перевод статьи опубликован в журнале «Логос» 2006, н. 2, с. 110-119.

патриотизм добродетелью»³. Макинтаир не критикует какие-либо режимы (за исключением фашизма) или политику государства, но при этом в статье представлены не только точка зрения автора на проблему, но и выявлены отличительные черты, свойственные либералам и консерваторам. Автор показывает их сильные и слабые стороны, проводит сравнительный анализ. Данная статья, по своей сути, является близким к тексту пересказом точки зрения Макинтаира на проблему патриотизма и исследованию морали.

По мнению Аласдера Макинтаира, одна из центральных задач морального философа состоит в том, чтобы ясно сформулировать убеждения общества, в котором живет тот или иной человек так, чтобы эти убеждения могли стать доступными для рационального исследования. Эта задача тем более необходима, когда в пределах одного и того же сообщества присутствует разнообразие противоречащих и несовместимых убеждений, или конкурирующих групп, которые отличаются в ключевых моральных вопросах, или внутри одной и той же совокупности индивидов, которые находят внутри себя конкурирующие моральные предпочтения. В любом из этих случаев первая задача философа морали состоит в том, чтобы сделать ясный вывод о том, что является спорным в различных мнениях.

Вполне ясно, что существуют большие разногласия в вопросе о сущности патриотизма. И, хотя было бы ошибкой предположить, что есть только два ясных, простых и взаимно противоположных набора убеждений о патриотизме, по крайней мере, допустимо, что диапазон конфликтных точек зрения может быть помещен в спектр с двумя полюсами. С одной стороны находятся взгляды, которые разделяли почти все в девятнадцатом столетии, согласно которым «патриотизм» является добродетелью. С другой стороны этого спектра – противоположное представление, которое в шестидесятых годах двадцатого века выражалось, порой с шокирующей ясностью: представление о том, что «патриотизм» – это порок. Макинтаир не считает, что у него есть серьезные основания для того, чтобы выбирать одну из этих точек зрения: то, чего он действительно надеется достигнуть, так это разъяснить проблемы, которые разделяют эти точки зрения.

Необходимый первый шаг в направлении любого подобного разъяснения – это отделение сути патриотизма от двух других видов отношений, которые слишком легко приравниваются к нему. Прежде всего, от демонстрируемых теми, кто является сторонниками собственных национальных корней, потому и только потому, что, как они утверждают, именно их нация является защитником некоторого великого морального идеала. Макс Вебер, пишет Макинтаир, заявил, что Имперская Германия в мировой войне 1914-1918 годов должна была быть поддержана, потому что являлась основой культуры, в то время как Эмиль Дюркгейм утверждал с равной горячностью, что нужно было поддерживать Францию, потому что именно она была основой цивилизации. По мнению Аласдера Макинтаира, и сегодня есть такие американские политики, которые утверждают, что Соединенные Штаты заслуживают преданности граждан, потому что это государство защищает блага свободы от зла коммунизма⁴. Страх перед коммунизмом со временем трансформировался и усилился перед новыми врагами.

³ A. MacIntyre, *Is patriotism ...*, *op. cit.*, p. 287-300.

⁴ Статья была опубликована в 1983 году. Вместо коммунизма можно поставить более актуальные понятия. Прим. Автора.

Чтобы понять, к чему приводит подобное проявление чувств к Отечеству, достаточно вспомнить войну на Балканах и в Ираке. В 2003 году Ричард Рорти писал о войне в Ираке: «Как это обычно бывает в кровавых конфликтах, война в Ираке проходила в высшей степени без всяких осложнений. Она назидательно продемонстрировала процесс свержения чудовищного диктатора великолепно оснащенной армией и прекрасно управляемыми экспедиционными войсками... Нет причин для продолжения антивоенных демонстраций, так как мы, те, кто выступал против войны, не хотим, чтобы американские и британские войска были выведены из Ирака. Наоборот, мы надеемся, что они будут усилены что они превратятся в добронамеренную оккупационную армию и останутся в Ираке на долгое время. Дело в том, что единственной альтернативой этому, видимо, является только анархия».⁵

То, что отличает отношение людей, поддерживающих локальные войны во имя демократии, от патриотизма является двойственным: для начала - это идеал, а не нация, который является первичным объектом их поклонения; а во-вторых, поскольку их отношение к идеалу обеспечивает серьезные основания для преданности их стране, это, в свою очередь, обеспечивает серьезные основания для чего угодно вообще, чтобы поддержать начинания их страны, независимо от их национальности или гражданства.

1. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Макинтайр понимает правила морали не только в некоторой социально определенной и конкретизированной форме. Блага, в отношении которых и ради которых должен быть оправдан любой набор правил, также могут быть благами, которые являются социально определенными и специфическими. В центре этих благ - обладание специфическим видом социальной жизни, пережитым через специфический набор отношений и, таким образом, то, чем обладает человек, есть благо определенной социальной жизни. Блага никогда не сталкиваются, кроме как в особенных случаях. Следовательно, абстрактные общие требования, которыми оправданы правила определенного вида отношений, будучи произведенными из институциональных благ, являются верными, только если эти наборы правил, воплощенные в практике отдельных сообществ являются производными от специфических благ, которыми обладали в определенное время некоторые индивиды.

Из этого следует, что если человек лишится образа жизни, который он вел в некотором сообществе, то у него исчезнут причины быть моральным. Повиноваться правилам морали – характерная и, в общем, трудная задача для людей. Действительно, будь это не так, наша потребность в морали была бы мнимой. Мы все время склонны быть ослепленными непосредственным желанием отвлечься от наших обязанностей, отклониться от веры и потому, что даже лучшие из нас могут, время от времени, сталкиваться с весьма необычными искушениями. Вообще, только в пределах общества люди формируются как моральные агенты, которых признают другие члены этого сообщества, а потому и сами они расценивают себя именно так. В требовании нравственных поступков другие члены

⁵ Р. Рорти, *Новый американский патриотизм. Интриги и ложь*. Frankfurter Rundschau, 21.04.2003.

общества выражают своего рода уважение к человеку, которое не имеет никакого отношения к ожиданию выгоды; и те, кто не требуют уважения вообще или требуют его немного, сталкиваются с нехваткой уважения, и если это повторяется достаточно часто, то наносит вред моральной способности этих людей.

Макинтаир считает, что одинокий моральный героизм иногда требуется и, более того, иногда достигается. Но мы не должны рассматривать этот исключительный случай в качестве типичного. И как только мы признаем, что сохранение моральной способности порождено в соответствии со специфическими институционализированными социальными связями в специфических социальных группах, будет трудно противопоставить преданность отдельному обществу и преданность морали в смысле, в котором это делают протагонисты либеральной морали.

Теперь ясно, почему патриотизм можно рассматривать как добродетель. Во-первых, мы можем постигать правила морали только в виде, в котором они воплощены в определенном сообществе; и если оправдание морали должно быть произведено в терминах специфических благ, которыми обладают в пределах образа жизни этого общества, если мы созданы и поддержаны в качестве морального агента только в рамках отдельного общества, тогда становится ясно, что если мы лишимся этого сообщества, то вряд ли будем процветать как моральные агенты. Следовательно, наша преданность общности и ее требованиям, вплоть до требования умереть, чтобы сохранить ее жизнь, не могла обоснованно быть противопоставлена тому, чего от нас требует мораль. Будучи отделенным от своей общности, человек может потерять способность к подлинным суждениям. Лояльность к этому сообществу, к иерархии специфического родства, местного специфического уклада жизни – все это является предпосылками морали. Таким образом, патриотизм и родственные ему привязанности это не только добродетели, но и центральные добродетели.

Патриотизм, по мнению Макинтаира, в отличие от подхода, основанного на страхе, определен в способах выражения лояльности к отдельной нации, которыми обладают только те, кто может продемонстрировать свою принадлежность к определенной нации. Но было бы слишком просто отметить это и при этом не сделать второе важное различие: патриотизм не должен быть перепутан с бессмысленной лояльностью к своей нации, так как он включает в себя не только общее и типичное специфическое отношение к собственной нации, но и такое же отношение к особенностям, достоинствам и достижениям своего народа, причем, они обеспечивают основы благосклонного отношения патриота.

Говоря это, следует обратить внимание на то, что патриотизм принадлежит, по мнению Макинтаира, к классу высших добродетелей, если это, конечно, вообще добродетель, среди которых также супружеская преданность, любовь к собственной семье и родне, дружба и лояльность к таким институтам, как школы и клубы бейсбола или крикета. Все эти привязанности показывают специфическое генерализирующее действие по отношению к отдельным людям, учреждениям или группам, отношение, основанное на специфических исторических взаимодействиях. Часто включение в эти взаимоотношения будет считаться благодарностью за выгоды, которые человек получает от другого человека, института или группы. Но, считает Макинтаир, было бы еще одной ошибкой предположить, что патриотизм или другие подобные формы проявления лояльности или ответная благодарность будут в их центре. То, что включает в себя патриотизм и другие подобные

отношения, есть некий специфический вид благодарности. Те, кто трактуют патриотизм и другие подобные ему привязанности как добродетели, являются приверженцами убеждения не в том, что у них есть обязанности перед их нацией, а в том, что это просто вознаграждение, основанное на взаимовыгоде.

Макинтаир полагает, патриотизм может быть ограничен в определенных рамках так, чтобы он был всегда в пределах границ, установленных моралью. Патриотизм следует расценивать как совершенно специфическую преданность собственной нации, которой нельзя позволить нарушить ограничения, установленные в соответствии с безличной моральной точкой зрения. Такую точку зрения выражают определенные либеральные моралисты, которые часто возмущаются тому, что их критики заявляют, что они не являются патриотами.

Для безличной моральной точки зрения, понятой так, как это понимали философские протагонисты современного либерализма, требуется нейтралитет не только между соперниками и конкурирующими интересами, но также и между конкурентом и конкурирующими убеждениями о лучшем пути для человеческого бытия. Каждого человека нужно оставить свободным от преследования из-за образа жизни, который он оценивает как лучший; в то время как мораль в противоположность этому состоит из правил, которые только потому, что любой рациональный человек, независимо от его интересов или точки зрения на лучший образ жизни, согласился бы исполнять, одинаково связывают всех людей. Следовательно, в конфликтах между нациями или другими сообществами по образам жизни, мораль будет точкой зрения безличного арбитра, выносящего приговор способами, которые дают равный вес потребностям каждого индивидуального человека, его желаниям, убеждениям о пользе, благе, в то время как патриот обязан быть фанатиком.

Заметьте, что, говоря о либеральной безличной морали, Макинтаир описывает точку зрения, в которой истина предполагается политическими действиями и высказываниями очень многих людей в обществе и эксплицитно ясно сформулирована и отстаивается самими современными моральными философами. Аласдер Макинтаир не считает, что разногласия между их позициями являются незначительными. Тем не менее, пять центральных положений, которые он приписал этой точке зрения, проявляются во всех этих философских теориях: сначала эта мораль составлена по правилам, на которые любой рациональный человек при определенных идеальных условиях дает согласие; во-вторых, эти правила налагают ограничения на нейтралитет между конкурентом и конкурирующими интересами – сама мораль не выражение какого-либо частного интереса; в-третьих, это те правила, которые являются также нейтральными между конкурентом и конкурирующими наборами убеждений о том, что является лучшим образом жизни; в-четвертых, то, что единицы, которые обеспечивают предмет морали так же, как и ее агенты, – отдельные люди, и что в моральных оценках каждый человек должен иметь значение; и в-пятых, точка зрения морального агента, составленная лояльностью к этим правилам, является одной и той же для всех моральных агентов и также независима от всех социальных особенностей. Что обеспечивает мораль, так это стандарты, по которым все фактические социальные структуры могут быть приведены к суждению с точки зрения, независимой от всех их. Мораль, понимаемая таким образом, есть лояльность, с которой рассмотрение

патриотизма как добродетели не только несовместимо, но и которое требует, чтобы патриотизм - по крайней мере, в любой солидной версии – был рассмотрен как зло.

Но действительно ли это единственно возможный способ понимания морали? Макинтаир полагает, что в качестве материала истории, нет. Такое понимание морали захватило западную культуру постренессанса во время, когда моральная сторона, противоположная политическому либерализму и социальному индивидуализму отражала его историю появления из конфликтов, которые полагали себя альтернативами. Поэтому стоит обратиться к рассмотрению одного из тех альтернативных подходов морали.

Одно из обвинений которое выдвигают протагонисты патриотизма против морали, состоит в том, что мораль, для которой патриотизм является добродетелью, предлагает форму рационального оправдания правил и предписаний, структура которых ясна и рационально защищена. Правила морали допустимы, если и только если они являются производными и частично сформированными из форм социальной жизни, благами которой обладают те, кто образуют некоторое сообщество. И именно такой вид имеет социальная жизнь. Следовательно, в качестве члена этого сообщества мы можем воспринять оправдание того, что мораль требует придерживаться позиции человека, играющего какую-то определенную роль в этом сообществе. Либеральная же мораль, по мнению Макинтаира, требует принимать абстрактную и искусственную или даже невозможную позицию, что человек как рациональный индивид, реагирует на требования морали не в качестве полицейского или фермера, а в качестве рационального агента, который абстрагировался от социальных особенностей, который стал не просто беспристрастным зрителем, но и беспристрастным актером. Но как возможен этот акт абстракции и отчуждения?

Либеральный ответ, по мнению Макинтаира, вполне ясен: такая абстракция и отчуждение могут быть оправданы, потому что это - необходимое условие моральной свободы, освобождение из неволи социального, политического и экономического status quo. Если человек не может отстраниться от любой особенности этого status quo, включая роль, которую он играет в пределах своего сообщества, он будет неспособен рассмотреть критически и решить для себя непосредственно, какая позиция является рациональной и верной. Это не устраняет результат такой критической оценки, последствием которой может быть неодобрение всего или части существующего общественного строя. Таким образом, по мнению Макинтаира, либеральная мораль в результате обращается к отрицанию базисного блага, блага освобожденной свободы, а в сути этого блага есть не только ответ на вопрос о том, как правила морали могут быть оправданы, но также и ответ на вопрос, как можно создать вероятное и потенциально разрушительное возражение на мораль патриотизма.

В либеральной морали существенно то, что не могут быть установлены никакие ограничения для критики социального status quo. Никакой институт, никакая практика, никакая лояльность не может быть свободной от того, чтобы быть проанализированной и, возможно, быть признанной непригодной. Наоборот, мораль патриотизма – это то, что абсолютно верно, потому что она выражается в терминах членства некоторого специфического социального сообщества с некоторой специфической социальной, политической и экономической системой, то, что

должно освободить, по крайней мере, некоторые фундаментальные структуры жизни этого общества от критики.

Все же, хотя это может стать частичным ответом на обвинение либеральных моралистов в том, что патриот должен в определенных областях быть полностью некритичным и поэтому иррациональным. Все то, что Макинтаир говорит от имени морали патриотизма, совместимо с тем, что при случае патриотизм мог бы требовать, чтобы человек поддерживал и работал для успеха некоторого предприятия своей нации, которое является ключевым для ее глобального проекта, возможно, ключевым для ее выживания, в то время как успех этого предприятия не будет в интересах всего человечества, если его оценивать с беспристрастной и безличной точки зрения.

Центральное утверждение морали патриотизма – это то, что человек сотрет и потеряет центральное измерение моральной жизни, если не будет понимать установленный нарратив своей собственной индивидуальной жизни как вложенный в историю своей страны. Если индивид не понимает этого, он не будет понимать и то, что у него есть некоторые обязанности перед другими или что общества есть обязанности перед ним. Таким образом, по мнению Макинтаира, если человек совершил преступление против своей нации, он обязан искупить это, и должен чувствовать благодарность за те выгоды, что дает ему общество. Понимание того, что должен человек и что должны ему, и понимание истории сообщества, частью которого он является, в этом случае одна и та же вещь.

Стоит подчеркивать, что одно из последствий такого подхода есть то, что патриотизм, в смысле, в котором его понимает Макинтаир, является возможным только в определенных типах национальных сообществ, при определенных условиях. Национальное сообщество, например, которое систематически отрицало собственную истинную историю или заменяло ее в значительной степени фиктивной историей, или национальное сообщество, в котором оковы истории никоим образом не были реальными узами общества, будет тем, к которому патриотизм имел бы – с любой точки зрения – иррациональное отношение. По точно тем же самым причинам, что и семья, члены которой рассматривают членство в этой семье как следование только взаимным личным интересам, больше не будет семьей в традиционном смысле, так же и нация, члены которой приняли подобное отношение, больше не будет нацией, и это было бы началом для того, чтобы считать, что то, что было в основе этой нации, просто разрушилось.

В современных обществах, членство в которых понимается только, или, прежде всего, в терминах взаимного личного интереса, доступны два средства, когда речь идет о разрушительных конфликтах между интересами. Одно – произвольное применение некоторого решения силой; другое – обращение к нейтральным, беспристрастным и безличным стандартам либеральной морали. Важность этого ресурса едва ли может быть недооценена; но проблема состоит в том, что некоторые мотивы, которые основаны на лояльности к стандартам беспристрастности и безличности, имеют рациональное оправдание и могут перевесить подходы, обеспеченные интересом. Так как все великое нуждается в такой лояльности, то возникает только тогда, когда связь, основанная на взаимных интересах, разрушена, и такая взаимность больше не может обеспечить уместный вид мотивам. Обращение к моральным агентам в качестве рациональных существ для того, чтобы поставить их приверженность безличной рациональности

выше их интересов, имеет место, только потому, что это обращение к рациональности показывает адекватную причину такого обращения. И эта та точка, в которой либеральные подходы морали являются уязвимыми. Эта уязвимость становится манифестом практической ответственности в ключевой точке – в общественном строе.

Каждое политическое сообщество, кроме как в самых исключительных условиях, требует наличия регулярных вооруженных сил для его минимальной безопасности. Каждый из членов этих вооруженных сил обязан быть готов пожертвовать собственной жизнью ради безопасности общества, и его готовность сделать это не зависит от собственной индивидуальной оценки справедливости или неправильности того, что могло послужить причиной для такой жертвы. И, таким образом, хорошие солдаты должны, несомненно, реализовать в их действиях идеал блага, по крайней мере, морали патриотизма. Таким образом, политическое выживание любого государства, в котором либеральная мораль обеспечила крупномасштабную преданность, будет зависеть от все еще достаточного количества людей, которые отклонили эту либеральную мораль. И в этом смысле либеральная мораль имеет тенденцию к распаду социальных уз.

Следовательно, обвинение в том, что мораль патриотизма может привести серьезные аргументы против либеральной морали, – это зеркальное отображение того, что либеральная мораль может успешно противостоять морали патриотизма. Поскольку либеральный моралист в состоянии заключить, что патриотизм – это постоянный источник моральной опасности из-за способа, которым он помещает связи в нацию вне рациональной критики, моралист, который защищает патриотизм, в состоянии заключить, что либеральная мораль является постоянным источником моральной опасности из-за способа, которым она интерпретирует наши социальные и моральные связи, слишком открытые для рациональной критики. И каждая сторона, по мнению Макинтайра, в общем-то, права.

2. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Означает ли это, что аргумент Макинтайра лишен какого-либо непосредственного практического значения? Это было бы верным, только если заключение о том, что мораль либеральной беспристрастности и мораль патриотизма несовместимы друг с другом, не имело бы никакого практического значения для понимания политической деятельности. Но, полагает Макинтайр, возможно, систематическое признание этой несовместимости позволит диагно-стировать один из недостатков политической жизни современных западных государств, или, по крайней мере, всех тех современных западных государств, которые оглядываются назад для своей легитимизации в американской и французской революциях. Государственные строи, основанные таким образом, имеют тенденцию противопоставлять себя прежним режимам, черты которых они переняли, утверждая, что, в то время как все предыдущие государства выразили в своей жизни пристрастие и односторонность местных обычаев, институтов и традиций, они впервые дали выражение в их конституционных и институциональных формах безличные и беспристрастные правила морали, принадлежащих всем разумным существам. Робеспьер объявил, что это был эффект Французской революции, а основы Франции и Прав Человека одни и те же.

Для многих американцев основа США, как объекта патриотического отношения, и основа морали, как ее понимает либерал, стали совпадать. По мнению Макинтайра, история этого совпадения не могла быть ничем иным, кроме как историей краха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] MacIntyre A., *Is patriotism a virtue?*// Alasdair MacIntyre, Mark C. Murphy – editor, Cambridge University Press, Cambridge, England, 2003, p. 287-300.
- [2] Нуссбаум М., *Патриотизм и космополитизм*, Перевод статьи опубликован в журнале «Логос» 2006, n. 2, с. 110-119
- [3] Рорти Р., *Новый американский патриотизм. Интриги и ложь*. Frankfurter Rundschau, 21.04.2003.

PATRIOTISM VS. MORAL PHILOSOPHY OF ALASDAIR MCINTYRE

Summary

The article is based on the work «Is patriotism a virtue?» by Alasdair MacIntyre and investigates the criticism of the liberal understanding of morality. Furthermore, it broaches the problem of the role of national self-consciousness in American ideology.

PATRIOTYZM A FILOZOFIA MORALNA ALASDAIRA MCINTYRE

Streszczenie

Artykuł omawia pracę napisaną przez A. MacIntyre zatytułowaną „Czy patriotyzm jest cnotą?”. Autor artykułu przedstawia krytyczne podejście do zbyt liberalnego rozumienia moralności. Przedstawia również zagadnienie samoświadomości w ideologii amerykańskiej.

Złożono w redakcji w grudniu 2009 r.